

нужды народной, или устройствомъ заводовъ, губящихъ здоровье и жизни людей, или посредствомъ гражданской или военной службы государству, или какими либо дѣлами, потворствующими соблазнамъ людей, — состояніе, приобретаемое такими дѣлами не только съ разрѣшенія, но съ одобренія руководителей общества, скрашенное при этомъ показною благотворительностью, безъ сравненія болѣе развращаетъ людей, чѣмъ милліоны кражъ, мошенничествъ, грабежей, совершенныхъ внѣ признанныхъ закономъ формъ и подвергавшихся уголовному преслѣдованію.

Одна казнь, совершенная не находящимся подъ дѣйствіемъ страсти, недостаточными, образованными людьми съ одобренія и съ участіемъ христіанскихъ пастырей и выставленная, какъ нѣчто необходимое, и даже справедливое, развращаетъ и озвѣряетъ людей болѣе, чѣмъ сотни и тысячи убійствъ, совершенныхъ людьми рабочими, необразованными, да еще въ увлеченіяхъ страсти. Казнь такая, какую предлагалъ устроить Жуковский, такая, при которой люди испытывали бы даже, какъ предлагалъ Жуковский, релігіозное умиленіе, была бы самымъ развращающимъ дѣйствіемъ, которое только можно себя представить. (См. VI томъ полн. собр. соч. Жуковского).

Всякая, самая короткая война съ сопровождающими обыкновенно войну трагатами, пестреленіями посѣновъ, воровствами, допускательнымъ развратомъ, грабежами, убійствами, съ придумываемыми оправданіями необходимости и справедливости ея, съ возвеличеніемъ и восхваленіемъ военныхъ подвиговъ, любви къ знамени, къ отечеству, и съ притворствомъ заботы о раненыхъ и т. п. — развращаетъ въ одинъ годъ людей болѣе, чѣмъ милліоны грабежей, поджоговъ, убійствъ, совершенныхъ въ продолженіе сотни лѣтъ одиночными людьми подъ вліяніемъ страстей.

Одна, степенно ведомая въ предѣлахъ приличія роскошная жизнь благопріистой, такъ называемой добродѣтельной семьи, продающей, однако, на себя столько рабочихъ дней, сколько достало бы на прокормленіе тысячъ людей въ нищетѣ живущихъ рядомъ съ этой семьей, — болѣе развращаетъ людей, чѣмъ тысячъ нестыдныхъ оргій грубыхъ купцовъ, офицеровъ, рабочихъ, предающихся пьянству и разврату, развращающихъ для потѣхи зеркала, посуду и т. п.

Одна торжественная процессія, молебствие или проповѣдь съ амвона или кафедры или, въ которую не вѣрятъ проповѣдующіе, производить безъ сравненія болѣе зла, чѣмъ тысячи поджоговъ и фальсификацій пива и т. п.

Говорять о лицемеріи фарисеевъ. Но лицемеріе людей нашего времени далеко превосходитъ вѣстное сравнительно лице-

меріе фарисеевъ. У тѣхъ былъ хоть внѣшній релігіозный законъ, изъ за исполненія котораго они могли не видѣть своихъ обязанностей по отношенію своихъ близкихъ, да и обязанности то эти были тогда еще не ясно указаны; въ наше же время, во первыхъ, нѣтъ такого релігіознаго закона, который освобождалъ бы людей отъ ихъ обязанностей къ близкимъ, всѣмъ безъ различія (я не считаю тѣхъ грубыхъ и глупыхъ людей, которые думаютъ еще и теперь, что таинства или разрѣшеніе папы, могутъ разрѣшать ихъ грѣхи) напротивъ, тотъ евангельскій законъ, который въ томъ или другомъ видѣ мы все исповѣдуемъ, прямо указываетъ на эти обязанности, и кромѣ того эти самыя обязанности, которые тогда въ туманныхъ выраженіяхъ были высказаны только нѣкоторыми пророками, теперь уже такъ ясно высказаны, что стали такими трюизмами, что ихъ повторяютъ гимназисты и фельетонисты. И потому людямъ нашего времени, казалось бы, ужъ никакъ нельзя притворяться, что они не знаютъ этихъ своихъ обязанностей.

Люди нашего времени, пользующіеся держащимся насильемъ порядкомъ вещей и вѣсѣтъ съ тѣмъ увѣряющіе, что они очень любятъ своихъ близкихъ и совсѣмъ не замѣчаютъ того, что они всей своей жизнью дѣлаютъ зло этимъ близкимъ, подобны чловѣку, непрестанно грабившему людей, который бы, будучи, наконецъ, захваченъ съ поднятымъ ножомъ надъ отчаяннымъ крикомъ зовущей себя на помощь жертвой, увѣрялъ бы, что онъ не знаетъ, что то, что онъ дѣлалъ, было неприятно тому, кого онъ грабилъ и собирался рѣзать. Вѣдь, какъ нельзя зтому грабителю и убійцѣ отрицать того, что у всѣхъ на виду, такъ точно нельзя, казалось бы, теперь уже и людямъ нашего времени, живущимъ на счетъ страданій угнетенныхъ людей, увѣрять себя и другихъ, что они желаютъ добра тѣмъ людямъ, которыхъ они, не переставая, грабятъ, и что они не знали того, какимъ образомъ приобретается ими то, чѣмъ они пользуются.

Нельзя ужъ намъ увѣрять, что мы не знали про тѣхъ 100 тысячъ чловѣкъ въ одной Россіи, которые сидятъ всегда по тюрьмамъ и каторгамъ для обезпеченія нашей собственности и спокойствія, и что мы не знаемъ про тѣ суды, въ которыхъ мы сами участвуемъ, и которые по нашимъ прошеніямъ приговариваютъ покушающихся на нашу собственность и безопасность людей къ тюрьмамъ, ссылкамъ и каторгамъ въ которыхъ люди нисколько не худшіе, чѣмъ тѣ, которые ихъ судятъ, гибнутъ и развращаются; что мы не знали того, что все, что мы пѣвемъ, мы пѣвемъ только потому, что это добывается и оправдывается для насъ убійствомъ и истязаніями. Нельзя намъ притворяться, что